

Ашнокова Лариса Мухамедовна

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии
Кабардино-Балкарского государственного
университета им. Х.М. Бербекова

Намитокова Марзият Нурбиевна

аспирант кафедры истории, философии
и психологии Кубанского государственного
технологического университета

ФЕНОМЕН «АДЫГАГЪЭ»: ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ

Аннотация:

В статье дается научно-философская трактовка духовной сущности адыгов. Новизной исследования является анализ феномена «адыгагъэ» – системы нравственных ценностей и ориентиров адыгов – через философскую категорию «понимание». Авторы предлагают дополнить основополагающие элементы адыгской этики понятием «шъхъак1о» – собирательным термином, вбирающим в себя все, что умаляет, принижает, либо посягает на честь и достоинство адыга. Отмечается важность сохранения и следования своему культурному коду в условиях глобализации; необходимость преодоления культурных лакун в их повседневном проявлении представителями различных этносов. Материалы и выводы статьи могут быть использованы в области изучения региональной культуры, процесса культурного самоопределения адыгов.

Ключевые слова:

этнос, духовная сущность, понимание, коллективная духовная деятельность, этноэтика, национальный характер, самосознание, культурный код, адыги, «адыгагъэ».

Ashnokova Larisa Mukhamedovna

D.Phil., Professor,
Philosophy Department,
Kabardino-Balkarian State University

Namitokova Marzijat Nurbievna

PhD student, History, Philosophy
and Psychology Department,
Kuban State Technological University

PHENOMEN OF «ADYGSTVO»: CONCEPT AND ESSENCE

Summary:

The study gives a scientific and philosophical interpretation of the spiritual essence of Adygs. The novelty of the study is in the analysis of the phenomenon of "adygstvo" (адыгагъэ) – a system of moral values and guidelines of Adygs through the philosophical category of "understanding". The authors propose supplementing the fundamental elements of the Adyghe ethics with the term "shhyak1o" (шъхъак1о) – a collective term that incorporates everything that belittles, detract, or encroaches on the honor and dignity of the Adyghes. The importance of preserving and following one's cultural code in the context of globalization and the need to overcome the culture gap in their daily manifestation by representatives of various ethnic groups are noted. The importance of maintaining and following its cultural code in the context of globalization is noted; the need to overcome cultural gaps in their daily manifestation by representatives of various ethnic groups. The materials and conclusions of the article can be used in the field of regional culture and the process of cultural self-determination of the Adyghes.

Keywords:

ethnicity, spiritual essence, understanding, collective spiritual activity, ethno-ethics, national character, self-awareness, cultural code, the Adyghes, «adygstvo».

В современном мире социальные, политические, экономические, нравственные процессы невозможно рассматривать вне контекста философского анализа культуры. Особый исследовательский интерес представляет собой изучение духовной сущности как части культуры этносов, актуальной в условиях возрастающего внимания к культурно-историческим ценностям, моральным устоям, находящим выражение в традиционной культуре.

Понимание духовной сущности этноса, и в частности адыгов, многолико и требует научно-философского осмысления. Рассмотрение элементов традиционной культуры позволяет увидеть специфические черты этноса, отличающие его от других, и оценить их влияние на состояние этноса в условиях современности.

Этнос – это форма организации общества, объединенная общими материальными и духовными ценностями, проявляющимися в коллективном поведении. Сложившееся на протяжении веков мировоззрение адыгов как этноса является результатом коллективного духовного опыта, отражающего особенности ментальности, передающейся из поколения в поколение. Именно этническое мировоззрение выражает духовную сущность адыгов в форме стереотипов восприятия мира.

Что же такого особенного присуще народам Кавказа, а конкретно адыгам? Что главным образом отличает адыгский этнос от других? В ответах на эти вопросы, на наш взгляд, и кроется понимание духовной сущности адыгов.

А что такое понимание? Слово «понимание» используется как в обыденной жизни, так и в научном лексиконе и определяется чаще всего через осмысление и толкование. В философском словаре понимание представлено как интеллектуальное осознание и объяснение чего-либо [1, с. 412]. Очевидно, что понимание определяется через такие категории как «знание», «объяснение», «толкование». Вопрос заключается в том, как оно соотносится с этими феноменами.

При сопоставлении категорий «знание» и «понимание» возникает вопрос: знание и понимание – это одно и то же? Философы С.С. Гусев и Г.Л. Тульчинский, занимавшиеся проблемой понимания, пришли к выводу о единой природе «знания» и «понимания», по-разному проявляющейся при взаимодействии человека с внешней средой [2, с. 21].

Исследованию природы научного знания посвящена монография М. Полани «Личностное знание». Автор отмечает необходимость обладания особым искусством для постижения познаваемых вещей [3, с. 19]. Кроме того, критике подвергается кантовское *argioi*, посредством которого знание явлений сводится лишь к некому порядку без учета внутренней структуры и взаимоотношений.

Понимание – это «живое знание», лишь овладев которым возможно творчески работать. Оно не может быть достигнуто только рациональными средствами. Оно предполагает сопереживание, «вчувствование». Но знание – предпосылка понимания. Понимание, на наш взгляд, носит более глубокий, целостный характер, нежели знание.

Если же говорить о соотношении таких понятий как «понимание» и «толкование», необходимо отметить, что первоначально проблема понимания рассматривалась в рамках экзегетики, учения об истолковании древних текстов. Позже, в XIX веке, на основе выдвинутых идей В. Шлейермахера и В. Дильтея, данные понятия стали частью более широкого понятия «герменевтика».

Позднее, с развитием науки, «понимание» и «толкование» стали восприниматься иначе: «операции объяснения и понимания имеют место во всех научных дисциплинах и входят в ядро используемых ими способов обоснования и систематизации знания» [4, с. 664]. Кроме того, нельзя не затронуть принцип, который связывает понимание и объяснение, так называемый принцип герменевтического круга. Согласно данному принципу, понимание достигается через объяснение, и наоборот. Для разъяснения эта взаимосвязь представляется как круг целого и части: чтобы понять целое, нужно иметь представление о его частях, которые в свою очередь не поддадутся пониманию без представления о содержании целого.

Итак, для понимания духовной сущности адыгов, а именно коллективного духовного народного опыта, необходим научно-философский анализ результатов коллективной духовной деятельности этноса, основывающийся на знании, толковании, объяснении. К результатам коллективной духовной деятельности можно отнести определяющие этническое самосознание категории: народную мораль, этику, обычаи, народные пословицы, поговорки, притчи, народные предания, легенды, мифы, эпос.

Среди авторов, исследующих этноэтику адыгов как феномен культуры, необходимо выделить Б.Х. Бгажнокова и Р.А. Ханаху, чьи исследования являются определяющими и задающими вектор на пути к пониманию духовной сущности адыгов посредством категории «адыгагъэ».

Что же мы знаем об «адыгагъэ»? «Адыгагъэ», адыгство является основой этнического самосознания адыгов. Это образ жизни, мышления, некая модель поведения, общеадыгская этика. Одним из первых об «адыгагъэ» как о модели, формирующей картину мира адыга, пишет Ю.К. Намитоков: «адыгагъэ – это совокупность лучших нравственных качеств, которые должны быть присущи на самом деле истинному черкесу: человечность, почтительность, гостеприимство, верность данному обязательству и т. д.» [5, с. 31].

Французский этнолог, философ К. Леви-Стросс утверждал: «...оригинальность каждой из культур заключается, прежде всего, в ее собственном способе решения проблем, перспективном размещении ценностей, которые общи всем людям. Только значимость их никогда не бывает одинаковой в разных культурах, и поэтому современная этнология все сильнее стремится понять истоки этого таинственного выбора» [6, с. 469]. Какие же ценности включает в себя адыгство?

Адыгство для адыга является одновременно и сдерживающим, и воодушевляющим фактором; это некий идеал, в направлении которого следует совершенствоваться каждому представителю адыгского общества. Оно включает в себя уважение к старшим, женщине, гуманность, толерантность, отзывчивость, деликатность, разумность, мудрость в принятии решений, мужество, сдержанность, щедрость, благородство, проявляющееся в поступках.

Наряду с этим существует понятие «адыгэ хабзэ» – морально-правовой кодекс поведения, традиционный этикет, являющийся зеркалом нравов адыгов. Данная система ценностей и ориентиров восхищает своим достоинством, чему есть множество свидетельств ученых, писателей, путешественников.

Р.А. Ханаху соотносит «адыгагъэ» и «адыгэ хабзэ» в формате «общее и особенное». «Так адыгагъэ (в широком смысле) выступает как основной регулятор морально-нравственных отношений, то адыгэ хабзэ (в узком смысле) – это волевые качества, установки человека, без которых нравственные императивы не могут перерасти в акт поведения. Хабзэ побуждает человека к определенному поступку... Представляется, что соотношение этих понятий может быть понято как соотношение потребности и интереса. При этом адыгагъэ выступает как объективная заинтересованность этноса в порядке и морали, а адыгэ хабзэ как конкретные формы ее выражения, четкие этикетные нормы поведения. ... адыгагъэ – традиционная базовая система морально-нравственных и этических норм, соотносимая с общечеловеческими (гуманистическими) ценностями и ориентированная на них» [7, с. 179–180].

Б.Х. Бгажноков приходит к выводу о невозможности содержания «адыгэ хабзэ» норм, выходящих за рамки адыгской этики [8, с. 7]. Кроме того, отмечается недостижимость проникновения в специфику «адыгэ хабзэ» без знания природы «адыгагъэ».

В системе адыгской этики Б.Х. Бгажноков выделил пять составляющих: человечность, почитательность, разум, мужество, честь. На адыгском они звучат соответственно: «ц1ыфыгъэ», «нэмыс», «акъыл», «л1ыгъэ», «напэ».

Человечность неразрывно связана с образом жизни адыгов, это проявляется в добром отношении к людям независимо от конфессиональной, сословной принадлежности – к тем, кто слабее, незащищеннее, беднее.

Человечность у адыгов – это целое, состоящее из множества элементов. Вот некоторые из них: понятие «тхъамык1» выходит за рамки дословного перевода «бедный» и вбирает в себя всех, кто заслуживает милосердия независимо от причины бедствий. Схожим по смыслу выступает значение слова «псэк1оды» – «потерявший душу». Следствием данных понятий является культ добрых бескорыстных дел – «псапэ», в основе которого лежит слово «псэ», что означает «душа», т. е. дела, совершаемые для души. Данная концепция близка к мусульманству. В исламе добрые дела совершаются так же, не рассчитывая на благодарность людей, но ради Всевышнего, с надеждой на спасение души через благодеяние. Многие положения в исламе схожи с правилами жизни адыгов, сформированными в процессе исторического развития, закрепленными в культуре, находящими проявление в традиционной модели восприятия мира и себя. Этим объясняется то, что адыги, не став ортодоксальными мусульманами, все же приняли ислам как подтверждение истинности, значимости, правильности уже выработанных принципов морали и норм этики.

Человечность, гуманность адыгов распространялась и на животный мир, недоброе отношение к животным было всегда порицаемо. «Гук1эгъу хэль», «гук1эгъуш1у» – «обладающий эмпатией», «милосердный» – говорят о тех, кто проявляет доброе отношение ко всему живому.

Почтительность – «нэмыс» – это сплав воспитанности, деликатности, чуткости, отзывчивости, учтивости, услужливости, хороших манер. Каждая социальная категория требует своего проявления «нэмыса», будь то старшие, женщины, мужчины, дети.

Уважение к старшим – неотъемлемый элемент любого воспитанного, принимаемого обществом человека. Младший не сидит при старшем, они не могут есть за одним столом, младший не высказывает свою точку зрения в присутствии старших.

Женщина – символ красоты, неприкосновенности, чистоты, мудрости. Ценимая адыгским обществом женщина должна была быть хороша собой, знать себе цену и внушать уважение окружающим. Не менее важными были практические умения, навыки и морально-этические составляющие. С юных лет девочек приобщали к трудолюбию, учили готовить, шить, вышивать, вязать. С приближением возраста, допускающего замужество, девочке разъяснялась сложная система родственных связей, необходимость выстраивания добрых отношений с родственниками мужа. Свидетельством служат фразы: «унагъо уихъагъэмэ яхьи ш1у зэгъэльэгъу» – «коль вышла замуж, люби и собаку в твоей новой семье»; «унагъоу узэрыхъагъэм ш1у зыгъэльэгъун фае» – «должна вести себя так, чтобы тебя полюбила семья, в которую ты вошла». Интересным является факт, что девочек учили без примерки определять нужные параметры при пошиве одежды, это было достаточно непростой задачей, так как прямой взгляд считался неприличным.

Но все же превыше всего ценились мягкость нрава, скромность, учтивость, воспитанность, терпеливость, услужливость, обходительность. Девушка вправе была сама выбирать себе избранника и объявить об этом своей семье. Занимательно, что слово «шъхъагъус», в переводе «спутник личности», относится и к мужу, и к жене и отражает единство супругов в браке.

Особое положение женщины демонстрируется посредством этикета. О женщине как о хозяйке дома пишет Шаукат Муфтий, подчеркивая ее господские права [9, р. 10]. Если в кругу мужчин появляется женщина, все мужчины, независимо от возраста, прерывали свою беседу и приветствовали ее стоя. Женщины физически неприкосновенны, им не принято жать руку, обнимать, их нельзя целовать людям не из круга семьи, особенно представителям мужского пола. В обществе близких родственников женщина первая протягивает руку. Фраза «пшъашъэр апчым фэд: узынэсык1э уж кыыфанэ» – «девушка подобна стеклу: дотронешься, остается след» отражает трепетное отношение адыгов к девичеству, к женщине в целом. Уважаемый мужчина не позволял себе приблизиться к женщине, будучи в седле. Он спешивался, держа коня за узды, приветствовал и, удостоверившись, что ей не нужна помощь, продолжал свой путь. Пеший мужчина обходил женщину слева, оставляя за ней правую сторону. Объясняется это тем, что оружие всегда носили слева. В присутствии женщины была непозволительна нецензурная брань, ругань, словесная перепалка и тем более драка. Женщина могла остановить любой конфликт одним своим появлением. Преследуемый врагами мужчина мог найти защиту в женской комнате, но эта возможность использовалась крайне редко, так как у большинства племен сохранение мужского достоинства ставилось выше безопасности. Не допускалось появление в обществе женщины босого мужчины, рубашка должна была быть застегнута на все пуговицы, неопрятный вид был порицаем.

Отношение к статусу мужчины у адыгов особенное: он – непререкаемый авторитет для женщины, первенство в семье всегда отводится ему. Примером служит и то, что мужчина идет не вровень с женщиной, а немного впереди, и то, что мужчин кормят отдельно от женщин и детей, и, конечно же, в первую очередь и лучшей едой. Мужчину не утруждают участием в воспитании детей, с ним не принято спорить или ставить под сомнение то, что он сказал, у мужчины не спрашивают, куда и зачем он идет. Мальчикам, проявляющим достоинство, говорят: «л1ы ц1ык1у» – «маленький мужчина», что является высшей мерой похвалы, не свойственной адыгам по отношению к собственным детям. Афоризм «л1ым ык1оц1 л1ы ит» – «внутри мужчины пребывает мужчина» иллюстрирует совершенный образ адыга, обладающего чертами настоящего мужчины, щедро наделенного моральными ценностями, нравственными установками. Не только сила, воля, но также равноценно и равноправно доброта, милосердие, великодушие характерны для мужчины, вызывающего уважение окружающих.

У каждого представителя общества, независимо от пола, есть личное пространство и безусловное право на признание и уважение, не связанное с социальным статусом. Порицаем прямой взгляд в глаза, про таких обычно говорят с неодобрением: «унэ кыык1эпшыхъэ», что переводится как «заползает в глаза».

У детей особое положение: их не бьют, мальчикам с малых лет прививают храбрость, мужество, благородство; девочкам – обходительность, учтивость. Вопросание к мальчикам при недостойном поведении «ул1ыба? уадыгэба?» «ты разве не мужчина? ты разве не адыг?» является стимулирующим к достижению должной модели поведения. В девочках воспитывают «гульыт» (прямой перевод «видение сердцем»). Данное понятие включает в себя умение предугадывать желания окружающих, скромность, деликатность, приветливость, любезность, тактичность, корректность, куртуазность.

«Акыыл» – «разум», одна из составляющих достойного члена общества адыгов. «Акыыл и1»; «акыыл и1эп» – «у него есть ум»; «он лишен ума» является качественной характеристикой для человека, способного принимать решения, нести ответственность, быть примером для остальных. Про недалеких говорят: «акылыр агощы зэхъум, хэныгъ» – «когда раздавали ум, ему не досталось»; про умных и дальновидных: «акылыш1у»; «акылыш1ур пэ1ончы хъурэп» – «наделенный умом»; «наделенный умом без шапки не останется», т. е. имеется в виду, что умный пробьется в жизни, будет иметь высокий социальный статус и достаток, шапка здесь выступает как символ реализованности, успешности в обществе.

«Л1ыгъэ» – мужество, данное понятие предполагает не только храбрость, выдержку, неустранимость, но и справедливость, умение принимать различные жизненные обстоятельства, сложные и неудобные для себя решения, сохраняя при этом достоинство. Мужество у адыгов предполагает еще наличие целого ряда моральных качеств: терпения, немногословности, щедрости душевной и материальной, отсутствия внешнего проявления при физических и душевных страданиях, способности стойко переносить различного рода невзгоды, умение возвыситься над обстоятельствами. Обороты речи «зыте1унк1эжь»; «кыызхэмыгъэц»; «л1ыгъэ кыызхэгъаф» – «нажми на себя»; «не выражай внешне»; «прояви мужество» свидетельствуют о важности данной категории у адыгов. Не принято проявление чувств даже при потере близких и любимых, во всем должна быть умеренность, сдержанность, это тоже своего рода проявление мужества. Смерть не страшна, страшна посредственная жизнь, лишенная мужества. Выражение «е ул1ын е ул1эн» – «либо будь мужчиной, либо умри» подтверждает это. Мужество проявляется

и в сдержанном отношении к самым родным. Не полагается публично проявлять нежность между супругами, говорить о своих чувствах, обнимать, целовать детей. Важно отметить, что термин «л1ыгъэ» – «мужество» может относиться не только к мужчинам. «Л1ыгъэ хэль»; «л1ыгъэ зэрихьагъ» – «обладает мужеством»; «проявил мужество» – так могут сказать и о терпеливом ребенке, и о волевой женщине, и о мудром старике.

Честь – «напэ» – переводится как «лицо», это нечто единое, объединяющее в себе честь, совесть, долг, стыд. «Напэ и1эп» – «лишен чести» говорят о презируемых, порицаемых людях. «Сынапэ эпэсыгъэп» – «не достойно моей чести» – о неприятии того или иного данным человеком, оценивающим произошедшее недопустимым для своей чести. «Сынапэ сыукъэб-зыжьыгъэ» – «очистил свое лицо, свою честь» – о реабилитации себя, своей чести в своих глазах и в глазах общественности. Важность чести демонстрирует выражение «напэ зимы1эм уаси и1эп» – «кто не имеет чести, тот не представляет никакой ценности». «Нэпэтэх» – «лишающий чести» – говорят о недостойных представителях общества, порочащих честь семьи и рода.

На наш взгляд, необходимо выделить еще одну составляющую в системе адыгской этики, несомненно влияющую на адыгскую картину мира. Эта составляющая – так называемое «шхьах1о». В переводе с адыгского дословно означает «идуший по голове», в значении «посягающий на личность», «наносащий обиду, оскорбление». К данной категории относится все то, что умаляет, принижает либо посягает на честь и достоинство адыга. Это может быть проступок члена семьи или недолжное проявление уважения со стороны родных, сородичей и даже незнакомцев. На наш взгляд, именно эта категория является связующим звеном между всеми остальными: человечностью, почтительностью, разумом, мужеством и честью.

Анализируя иерархию элементов, составляющих понятия «адыгагъэ», Б.Х. Бгажноков приходит к выводу о главенствующей роли человечности, все другие ценности он рассматривает как образующие инструментальную подсистему адыгства [10, с. 20].

Распад СССР, а затем и процессы глобализации в современном мире привели к размыванию, и даже в некоторой степени, к уничтожению этнических рамок, определявших национальную культуру. Язык, семья, морально-этический кодекс как основные каналы воспроизводства адыгской традиционной культуры претерпели существенные видоизменения.

В советский период национальные языки испытали на себе негативную роль господствовавшей идеологии, подменившей символы традиционной культуры новыми идеями. В тот период считалось немодным и неактуальным владение национальным языком. Советский Союз распался, а этносы получили поколение, не владеющее навыками родного языка, утратившее понимание ценности своей культуры и, соответственно, самоидентификацию.

Если представители сельского населения адыгов в силу отдаленности от центра и консервативности еще сохранили родной язык как некий этнический код, то основная масса городского населения, приняв новые культивируемые идеи, утратила этот код. Этому способствовала и система образования: повсеместно сокращалось преподавание родного языка в школах.

Позднее были предприняты экстренные меры по укреплению родного языка: увеличено количество часов, отводимых на изучение национального языка в школе, в Адыгейском государственном университете открыт факультет национальной школы, призванный подготовить кадры для детских садов, начальных и средних общеобразовательных школ. Все это позволило реанимировать состояние национального языка, но не обеспечило должной реабилитации.

Индустриализация общества привела к созданию нового для адыгов типа семьи – нуклеарной, состоящей из поколения родителей и их несовершеннолетних детей. Представители этого нового типа горожан переезжали в город изначально для получения образования. Затем они трудоустроивались и создавали семьи в условиях города, не видя для себя перспектив проживания в сельской среде, постепенно теряя багаж традиционных ценностей. Ментальность новых горожан, оторванных от привычной культуры, в силу факторов, влияющих на их сознание и психику, претерпевала изменения, которые передавались новым поколениям. Старшее поколение оставалось проживать в аулах, аргументируя это тем, что они в преклонном возрасте и умрут там, где прожили всю свою сознательную жизнь. В результате этих миграционных процессов связь между поколениями ослабла, что негативно сказалось на сохранении культурных и этических ценностей.

Изменения затронули и гендерные отношения. Если характер взаимодействий возрастных групп претерпел поверхностные преобразования, то мужской и женский этнические образы подверглись значительной трансформации. Равные права полов, культивируемые советской идеологией, привели к тому, что женщины стали выполнять тяжелые полевые работы, а также стали участниками производства. Постперестроечный период с характерным промышленным кризисом повлек за собой мужскую безработицу. Женщины оказались более гибкими, осваивали новые для себя сферы деятельности, в том числе и торговлю, что совсем было не свойственно традиционному сознанию адыгов. Главенствующая роль мужчины ослабла, став номинальной. Это в

свою очередь послужило основанием психологического надлома у мужчин, повлекшим за собой пристрастие к спиртным напиткам, наркотикам и как результат, разрушение семей.

А. Ашхамаф отмечает тот факт, что «по адыгским понятиям принципы традиционной этики нельзя предать забвению без ощутимых негативных последствий для социума. Отказ от исполнения моральных правил ведет к аномии, а аномия в свою очередь – к разрушению устоев личности и общества» [11, с. 47].

«Адыгагъэ», определявшее жизнь адыгов многих поколений, сегодня, в цифровую эпоху, несомненно подверглось серьезным искажениям и изменениям. Возвращение к первозданному «адыгагъэ», на наш взгляд, невозможно. Вопрос состоит в том, насколько оно актуально сегодня? Каковы его формы в современных условиях? Что нужно сделать для жизнеутверждения данного феномена на благо современного общества?

Необходимость возрождения «адыгагъэ» констатирует З.К. Бгуашева, подчеркивая его воспитательную роль для подрастающего поколения [12, с. 5]. А.Ю. Шадже подтверждает наши наблюдения, рассуждая о невозможности поддержания эталонной модели «адыгагъэ» современным адыгским обществом, отмечая при этом его значимость в региональном сближении черкесов Северного Кавказа и всего мира [13, с. 87].

Анализ отечественной и зарубежной литературы по проблеме феномена «адыгагъэ» привел нас к выводу об очевидной частичной потере национального самосознания у большей части адыгов и превращению их в общество потребления, приверженное чуждым идеалам, склонное к рецепции инокультурных ценностей, не способствующее гуманизации общества в целом. В то время как «адыгагъэ», на наш взгляд, является универсальным руководством к жизни, способным разрешить множество социально-нравственных проблем современного общества.

Кроме того, изучение и понимание духовной сущности любого этноса имеет существенное значение в условиях глобализации для предотвращения потери культурного кода, преодоления культурных лакун в их повседневном проявлении представителями различных этносов. В этой связи нам представляется необходимым создание национальной «программы», возвышения на государственном уровне моральных ценностей, нравственности, уникальной системы воспитания и жизнедеятельности, присущих традиционному сознанию адыгов.

Ссылки:

1. Конт-Спонвиль А. Философский словарь. М., 2012. 412 с.
2. Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Проблема понимания в философии. М., 1985. 21 с.
3. Полани М. Личностное знание. М., 2013. 19 с.
4. Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М., 2004. 664 с.
5. Намитоков Ю.К. Адыгейская народная педагогика о воспитании детей: сб. статей кафедры педагогики и психологии Адыгейского пединститута. Майкоп, 1957. Вып. 1. 31 с.
6. Цит. по: Р.А. Ханаху, О.М. Цветков, С.В. Костылев. От традиционного менталитета к современному // Мир культуры адыгов (проблемы эволюции и целостности). Майкоп, 2002. С. 465–467.
7. Ханаху Р.А. Морально-этический феномен адыгагъэ – основа народной культуры // Мир культуры адыгов (проблемы эволюции и целостности). Майкоп, 2002. С. 177–184.
8. Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет. Нальчик. 1978. 160 с.
9. Shauket Mufti (Habjoka). Heroes and Emperors in Circassian History. Beirut, 1972. 351 p.
10. Бгажноков Б.Х. Указ. соч. С. 20.
11. Ашхамаф А.А. (Ашхамахова А.А.) Менталитеты народов мира. Методические материалы: учеб. пособие. Краснодар, 2006. 260 с.
12. Бгуашева З.К. Феномен адыгейской культуры: этнологический и культурологический аспекты // Концепт. 2014. Спецвыпуск № 11. С. 6–10.
13. Шадже А.Ю. Национальные ценности и человек (социально-философский аспект). Майкоп, 1996. 168 с.

Редактор, переводчик: Невзорова Наталья Викторовна